

Глава 14

Инь Чжуншань едва успел наполнить чашу Цзи Сюня, как через распахнутое окно, выходящее на озеро, бесшумной тенью скользнул человек в черном. Ни один из гвардейцев, охранявших покои, даже не заметил его приближения.

Чжуншань вздрогнул и мгновенно выхватил меч.

Незванный гость обладал незаурядным мастерством: в одно мгновение он оказался в самом центре комнаты. Поднятый им поток воздуха заставил пламя свечей испуганно дрогнуть и почти погаснуть, прежде чем оно снова нехотя разгорелось.

В неверном свете проступило лицо пришельца.

Инь Чжуншань опустил клинок, изумленно выдохнув:

— Лу-тунлин?

Лу Уцзи, чьи брови вразлет и пронзительный взгляд выдавали в нем человека знатного, явно не привык пользоваться дверями. Лихо крутанувшись в воздухе пару раз, он по-хозяйски устроился подле Цзи Сюня.

Подвески на его нефритовом поясе с шумом ударили его по лицу, пока он крутился, но он, сохраняя напускное хладнокровие, небрежно бросил на стол измятый листок бумаги.

— А я-то считал, что этот Цинь Цзянь из военного министерства — твой человек. Кто бы мог подумать, что он окажется скрытым сторонником Восточного дворца? Стоило тебе слечь, как он тут же переметнулся. Вместе с заместителем министра они подали прошение Его Величеству о назначении человека наследника в Цзиньлин. Должность...

Цзи Сюнь, словно утомленный этим шумом, поморщился:

— Слишком много слов.

Лу Уцзи, ничуть не обидевшись, прислушался к доносившимся из-за стены звукам:

— Ты что, слушаешь, как соседи тузят друг друга? Я, пока пробирался сюда, заглянул одним глазком — честное слово, там уже кровь рекой. Знатная вышла потасовка.

Князь, окончательно потеряв интерес к происходящему из-за болтовни гостя, отхлебнул холодного вина и равнодушно заметил:

— Если кто-то узнает о нашей тайной встрече, ты вмиг лишишься своей должности командующего гвардией.

Лу Уцзи искренне удивился:

— Ты сегодня что, наконец-то выпил лекарство? Неужели вспомнил, кто я такой?

Цзи Сюнь мягко отозвался:

— Каждый раз, видя на площади бродячий цирк, я невольно хочу осведомиться у Лу-тунлина: неужели служба в авангарде дворцовой гвардии стала столь обременительной, что он решил заделаться «великим магистром обезьяньих прыжков» на радость простолюдинам?

Лу Уцзи: «...»

Уязвленный до глубины души, он покраснел и поспешно сменил тему, обведя комнату взглядом:

— Что за безобразие? Среди такой красоты — и труп под ногами. Глаза мозолит. Чжуншань, ты куда смотришь?

Цзи Сюнь мельком взглянул на него:

— Так какая должность?

Лу Уцзи наконец вернулся к делу:

— Провинциальный административный комиссар — Бучжэнши области Цзиньлин.

Цзи Сюнь лишь коротко хмыкнул, ничуть не удивленный этой новостью.

— Ты совсем рассудок потерял? — изумился Лу Уцзи. — Государь явно намерен проверить счета Цзиньлина. Твоя торговля солью, рудники, контрабанда и военные поселения — разве хоть что-то из этого выдержит проверку? Стоит им найти зацепку, и Восточный дворец вцепится тебе в горло. Тебе в два счета пришьют обвинение в тайном содержании армии и подготовке мятежа.

Цзи Сюнь улыбнулся:

— Так оно и есть. К чему слова «пришьют» и «подготовят»?

Лу Уцзи: «...»

Он опасливо огляделся по сторонам:

— Надеюсь, этот ужин — не «Пир в Хунмэне»? Ты ведь не собираешься прирезать меня, чтобы замести следы?

Цзи Сюню наскучил этот разговор. Он повернулся к Инь Чжуншаню:

— Сегодня разыгралась нешуточная буря. Помощник министра военных дел Цинь Цзянь перебрал лишнего и по неосторожности оступился, упав в озеро.

Инь Чжуншань склонил голову:

— Слушаюсь.

Лу Уцзи, поняв, что его жизни ничего не угрожает, облегченно выдохнул:

— Цинь Цзянь — чиновник третьего ранга. Ванье так просто решит его судьбу?

— Наследный принц тоже может оступиться, если не будет смотреть под ноги, — холодно обронил Цзи Сюнь. — Или ты тоже хочешь искупаться?

Лу Уцзи мгновенно прикусил язык. Передав весть и так и не притронувшись к вину, он привычным кувырком вылетел в окно и скрылся в ночи.

Инь Чжуншань принялся убирать тело из комнаты.

Князь взял измятую бумагу и быстро пробежал глазами по строчкам. Судя по всему, Его Величество действительно вознамерился проверить военные пашни.

Область Цзиньлин лежала далеко от столицы, на самой границе, в окружении враждебных земель. Когда-то, когда её защищал Нин-ван, пограничные войны не стихали ни на миг, год за годом опустошая государственную казну. Лишь восемь лет назад, в той великой битве, где Нин-ван пал на поле боя, враг был отброшен ценой великой крови, и наступили годы тишины.

В последние годы гарнизоны Цзиньлина перешли на самообеспечение, обрабатывая земли и постепенно переставая требовать жалованья и провианта у двора.

Здоровье императора слабело с каждым днем. Недавно в Циньтяньцзяне (Императорском астрономическом бюро) даже узрели знамение падения Пурпурной Звезды. Перепуганный

глава бюро три дня скрывал это известие, прежде чем в трепете доложить наверх.

Внезапное желание государя проверить счета Цзиньлина означало лишь одно: он искал повод, чтобы погубить Цзи Сюня и расчистить путь для наследника.

Князь сжег письмо, погрузившись в раздумья. Случайно бросив взгляд в окно, он на мгновение замер.

Юноша в тяжелом плаще и с вуалью на лице больше не шептался со слугой. Теперь он, согнувшись в три погибели, крался по галерее, словно воришка, надеясь проскользнуть мимо незамеченным.

Цзи Сюнь прищурился.

Инь Чжуншань тоже заметил беглеца, и взгляд его мгновенно потяжелел:

— Ванъе, он мог видеть Лу-тунлина.

Цзи Сюнь, поглаживая золотое навершие своего посоха, лениво протянул:

— Приведи его сюда.

— Слушаюсь.

***

Чу Чжаохуай проклинал свою неудачу.

Ему выпал шанс сорвать огромный куш, но деньги пришлось оставить.

Пришлось потратить уйму времени, чтобы найти человека для распространения слухов, и, обливаясь слезами, отвалить ему целое состояние за услуги.

И стоило ему облегченно вздохнуть, как он нос к носу столкнулся с Цзи Сюнем, сжигающим какие-то бумаги.

Стены в этом павильоне были тонкими, а князь всё это время находился в соседней комнате. Неужели он слышал весь тот балаган, что они устроили за игрой в монеты?

Чжаохуай был готов провалиться сквозь землю от стыда.

К счастью, Цзи Сюнь не смотрел в его сторону. Стараясь не дышать, Чу Чжаохуай на цыпочках двинулся к выходу, но не успел сделать и пары шагов, как дверь павильона с грохотом распахнулась. На пороге стоял мрачный Инь Чжуншань.

Чу Чжаохуай замер.

«Попался. Всё кончено».

Он не успел даже вскрикнуть, как его, словно нашкодившего кролика, за шкуру втащили в комнату.

Цзи Сюнь сидел, закинув ногу на ногу, и на его лице играла двусмысленная улыбка:

— Какая встреча, Ванфэй.

Чжаохуай был готов расплакаться:

— Ванъе, клянусь, меня... меня заставили!

Князь улыбнулся еще мягче:

— И кто же этот злодей?

Чжаохуай выпалил:

— Цзи-Заводила!

Цзи Сюнь на мгновение нахмурился, решив, что его болезнь снова дает о себе знать:

— Кто такой Цзи-Заводила?

Чжаохуай замялся:

— Третий принц.

Тот весь вечер только и делал, что твердил про «веселье» и «забавы», вот прозвище само и выскочило.

Инь Чжуншань лишь утвердился в своих подозрениях. Третий принц в дружбе с Восточным

дворцом, а значит, этот лекарь — подсланный лазутчик.

Клинок со звоном покинул ножны и замер у самого горла Чжаохуая.

— Ванъе, его нельзя оставлять в живых.

Тайная встреча командующего гвардией с опальным князем — это государственная измена. Если об этом прознают во дворце, плахи не миновать. В глазах Чжуншаня вспыхнула жажда крови. Стоило князю лишь кивнуть, и голова лазутчика покатилась бы по полу.

Чу Чжаохуай окончательно растерялся.

«Неужели запрет на азартные игры настолько суров, что казнят прямо на месте?!»

Он отчаянно замахал руками, пытаясь спастись:

— Ванъе, пощадите! Я... я вовсе не хотел играть! И денег я не брал... то есть совсем чуть-чуть, и то это «Наследничек» мне их силком всучил!

Чжуншань опешил.

— Ч-что?

Разве это судно не притон для игроков?

И разве из соседней комнаты не доносились азартные выкрики?

Цзи Сюнь сделал легкий жест рукой.

Поколебавшись, гвардеец убрал меч.

Чжаохуай, не мешкая, бросился выдавать «краденое». Он с неистовой силой затряс правым рукавом, и на пол посыпался целый град из сушеных слив, пирожков, семечек и даже нескольких плодов мандарина. Оставалось лишь гадать, как он умудрился всё это там спрятать.

Выудив из этой кучи золото, которое ему навязал Цзи И, Чжаохуай протянул его Цзи Сюню на раскрытых ладонях. Вид у него был такой, будто его несправедливо обвинили во всех смертных грехах.

— Вот... только это. Больше я ничего не брал. Всё... всё отдаю Вам, Ванъе.

Цзи Сюнь: «...»

Инь Чжуншань: «...»

Князь долго всматривался в глаза Чжаохуая, скрытые за тонкой сеткой вуали, а затем протянул руку к юноше, всё еще сидевшему на полу.

— Подойди.

Чжаохуай просиял. Решив, что это знак прощения, он радостно высыпал золото прямо в ладонь князя — в качестве взятки.

Цзи Сюнь: «...»

— Ты сам подойди, — повторил он.

Чжаохуай замялся, но всё же нерешительно протянул руку. Цзи Сюнь крепко сжал его холодные пальцы и потянул на себя.

Колени лекаря всё еще дрожали, он не удержался на ногах и, запутавшись в полах длинного платья, повалился прямо на колени князя.

Несмотря на лютый холод, тело Цзи Сюня в тонких одеждах казалось раскаленным. От него всё еще пахло свежей кровью, а взгляд его темных глаз был пугающе острым.

Чжаохуай тяжело сглотнул:

— В-Ванье?

Рука князя потянулась к его лицу. В этот миг Чжаохуаю показалось, что тот хочет сорвать вуаль, и сердце его ушло в пятки.

Но горячие пальцы лишь мягко коснулись его тонкой шеи.

— Тебя не ранили? — спросил Цзи Сюнь.

Чжаохуай поднял голову, растерянно глядя на него и ничего не понимая. Инь Чжуншань, не зная воли господина, приставил меч лишь тупой стороной, так что на коже не осталось даже царапины.

— Нет, — едва слышно пробормотал он.

Цзи Сюнь, услышав этот невольно прорвавшийся южный выговор, не сдержал тихой усмешки:

— Вот и славно. Иди играй.

Чжаохуай захлопал глазами.

«И всё?.. Просто так отпустит?»

Казалось, князь и впрямь передумал его убивать. Почувствовав себя так, словно его только что сняли с эшафота, Чжаохуай поспешно вскочил, опираясь на колени Цзи Сюня:

— Тогда... тогда я пойду.

— Иди.

Чу Чжаохуай, подхватив полы плаща, бросился прочь.

— Ах да, — бросил ему вдогонку Цзи Сюнь. — Сегодня я вернусь в поместье. Вели слугам не ставить жаровни в спальне.

Чжаохуай замер.

С самого дня свадьбы Цзи Сюнь был слишком занят, чтобы возвращаться домой, а если и заезжал, то спал в кабинете. С чего бы ему сегодня приспичило спать в спальне?

Прогнать хозяина он не смел, поэтому лишь послушно кивнул и в глубокой тревоге покинул комнату.

Князь окинул взглядом рассыпанный по полу мусор и, наклонившись, подобрал мандарин. Плод был уже очищен; похоже, Чжаохуай берег его — не съел, а спрятал обратно в кожуру две оставшиеся дольки.

В этот момент вошел гвардеец и что-то прошептал на ухо Чжуншаню. Тот, помедлив, обратился к князю:

— Ванъе, Шицзы в соседнем павильоне...

Цзи Сюнь безразлично перебил его:

— Жив?

— Э-э, с ним всё в порядке.

— Победил?

— Победил, — подтвердил Чжуншань. — Младший сын господина Циня тяжело ранен и без сознания. У наследника из дома герцога сломана рука, теперь он рыдает и грозитя всё рассказать отцу. Всё это произошло на глазах у Третьего принца, так что миром дело не кончится.

Цзи Сюнь лишь коротко хмыкнул, явно не желая вникать в подростковые распри:

— Иди.

Инь Чжуншань уже собрался было пойти и приструнить Шицзы, но Цзи Сюнь закончил фразу:

— ...Разыщи тех двоих слуг, с которыми говорил Ванфэй.

Чжуншань опешил, но спорить не стал.

Вскоре два слуги, нанятые Чжаохуаем, предстали перед князем. Увидев человека в легких одеждах, сидящего в кресле с золотым посохом, они мгновенно узнали «Бога Несчастий», чей лик наводил ужас на всю столицу. Обливаясь холодным потом, они рухнули на колени.

— Приветствуем Ванъе!

Цзи Сюнь лениво поинтересовался:

— Что велел вам разглашать тот господин в вуали?

Слуги испуганно переглянулись.

— Говорите, — приказал Чжуншань.

Несчастные снова забили поклоны:

— Ах, Ванъе, вы и представить не можете...

— Без лишних слов. Отвечайте на вопрос, — оборвал их гвардеец.

Слуги были готовы разрыдаться:

— Тот господин заставил нас заучить эти слова. За каждую фразу обещал по серебряному ляну.

В глазах Цзи Сюня мелькнул интерес:

— И что же это за слова?

Утирая пот, слуги принялись пересказывать «слухи», сочиненные Чжаохуаем.

— «Послушай, а знаешь ли ты... Молодой маркиз из дома Чжэньюань, когда выходил замуж за Цзин-вана, думал, что его ждут великие муки. Но кто бы мог помыслить, что жизнь его окажется истинной сказкой? Говорят, князь лично ловит для него рыбу и готовит кушанья, а молодой маркиз от такого счастья и о доме родном забыл».

— «О боги! Какая неслыханная милость!»

— «И не говори. Говорят, Цзин-ван душой чист и нравом кроток, к людям добр и ласков. Поговаривают даже, что молодой маркиз в него всем сердцем влюбился. Мол, будь он женщиной — непременно нарожал бы Ванье целую ораву детей».

— «Поистине, остается только завидовать!»

— «Именно так».

Цзи Сюнь замер.

Закончив «выступление», слуги, дрожа всем телом, протянули полученную плату — три ляна и несколько медных монет.

— Когда тот господин закончил, он расплатился с нами. Сказал, что пустые слова не считаются, и выдал только за три фразы.

Цзи Сюнь: «...»

Инь Чжуншань: «...»

Даже если бы дела в Восточном дворце шли совсем из рук вон плохо, они вряд ли подослали бы

лазутчика с таким... необычным нравом.

Князь взял три ляна и шесть медяков, задумчиво перебирая их в пальцах. На полу всё еще валялись объедки, сладости и золото.

И вдруг, совершенно неожиданно для всех, Цзи Сюнь рассмеялся.

Это не была его обычная холодная усмешка или ядовитый оскал. Это был искренний, живой смех человека, который не смог сдержать веселья.

<http://bllate.org/book/15341/1372777>